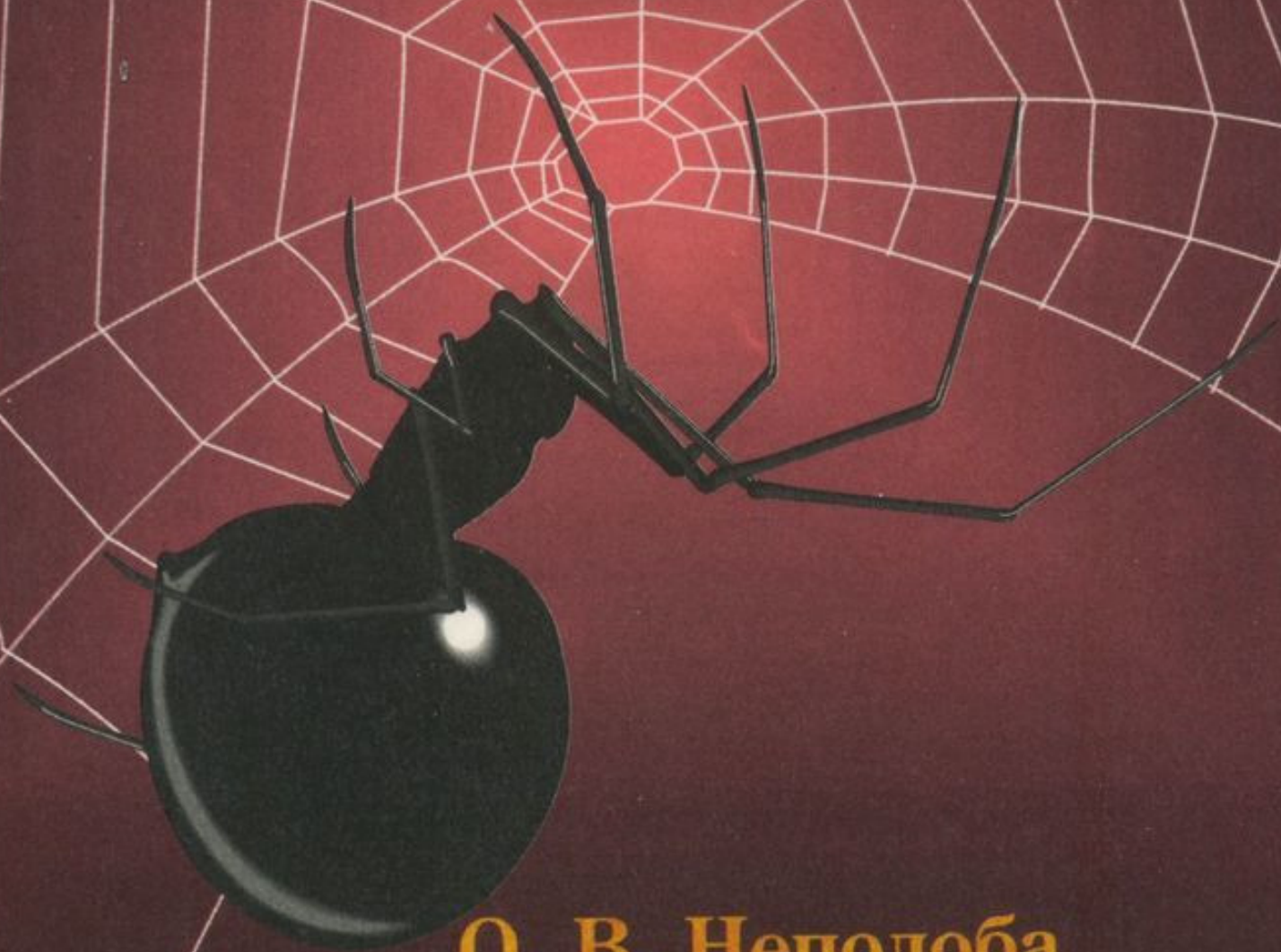

18+

О. В. Непогода

**ПЕРИМЕТР
ЗВЕРЯ**

Ольга Непогода
Периметр зверя

«Издательские решения»

Неподоба О.

Периметр зверя / О. Неподоба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984098-1

«Периметр зверя» — это первая книга автора, изданная в 1998 году. Она содержит ранние произведения, которые написаны автором в молодом возрасте и отражают мысли, чувства и мироощущение ее сверстников на стыке восьмидесятых и девяностых годов XX века.

ISBN 978-5-44-984098-1

© Неподоба О.
© Издательские решения

Содержание

ИГРА С ПОЛОСАТЫМ	6
СОЛО ДЛЯ ЖЕЛТОГЛАЗОГО	19
Глава 1	20
Глава 2	22
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Периметр зверя

Ольга Неподоба

© Ольга Неподоба, 2020

ISBN 978-5-4498-4098-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИГРА С ПОЛОСАТЫМ

«Человек играет со спящим тигром до тех пор, пока полосатый не проснется»

(Книга отчуждения)

Ну, Малыш, давай! Можно!

Бей, кроши, ломай!

Хочешь, кулаком о стену так, чтоб горло болью перемкнуло? Или башкой с разбегу – пожалуйста!

Криком изойди так, чтоб только стон растекался по губам сухим да горячим – начинай, Малыш!

Теперь – можно.

Теперь все можно.

Да бес толку только.

Все равно ты – дурак.

Все равно ты – Малыш.

И чей это голос шепчет вкрадчиво: «Верь, Малыш, верь, – и в этом мире найдется что-нибудь для тебя...»

Маленький кусочек, крохотный уголок – для тебя.

Но в мутном трамвайном стекле отражается твое лицо и пустые сидения напротив.

И ничего не видно там, за окном. И единственное, что следит за тобой сейчас в этом мире – твое собственное отражение в мутном трамвайном стекле...

Начинай, Малыш... Можно.

Сегодня вечером Малыш ехал на вокзал с единственной целью -нарваться. Мощно нарваться. Мрачно нарваться. Капитально нарваться. Чтоб дух из тела вон запросился. Чтоб вся физиономия горела последствиями, а в заплывших глазах скулила побитая собачонка. Чтоб бродить по дому немым упреком и знать, что каждая ссадина на его, Малышевской, мордашке каленым железом печатает следы в сердце Сидора.

Вот так, Сидор, вот эдак... Гляди. Любуйся, что с твоим родным-кровным братом сотворили.

Распустился народ, Сидор! Обнаглел. Прямо плюют, понимаешь, на всю твою грозную репутацию!

А потом Малыш будет долго слоняться по району и намозолит глаза всем, до последнего – рас последнего.

Смотрите, Сидорова брата покалечили!

Осмелились! Посягнули! Преступили!

И хотя бы в одной отяжелевшей балде пробежит вдруг мышка-мыслишка по последней не заросшей извилине: «А он-то, покусившийся-то, Сидорова брата настукавший... того, живой...! И небо не рухнуло. И земля не провалилась. И ничьи остывшие тела по столбам вдоль улиц не болтаются!»

Что, Сидор, больно тебе будет? Досадно?

Плохо тебе будет, Сидор!

И ничего ты с этим не поделаешь, даже если исхитришься выскользнуть из собственной покрытой шрамами и славой шкуры.

Сидор...

Да ты любого на районе тормозни и встряхни: «Отвечай, мол, кто таков – Сидор?»

Встрепенутся тебе в ответ, захлебнутся от восторга: " Да! -ответят тебе, – О-о-о-, – ответят тебе, -Во!»

Кто за один вечер ввел в почтение и благонравие все вольное население на дискотеке городского парка?

Сидор.

Кто пустил кишки горлом самому Мартыну, которым издавна путали мамы мальчиков и девочек, поздно возвращающихся со своих прогулок?

Сидор.

Кто тренирует добрую половину нашего славного отделения милиции?

Сидор.

А кто его, Малыша, из самой прокурорской пасти выхватил, когда они с мужиками по бухому делу зверски замучили лифт на втором подъезде?

Сидор. Сидор. Сидор.

А кто такой Малыш?

Хихикнут в ответ, пальцем по черепу мысль погоняют и задумаются. Малыш, Малыш... Это не тот Малыш, что прошлой весной на кафе мента табуреткой приласкал? Нет? Шестерка, что ли, Малыш? Так он уже месяца три свои останки у бабушки за печкой прячет... Не он? А... Ну есть у нас еще один Малыш. Сидора братан. Что про него скажешь? Здоровенный такой шкаф. Патлы длинные. Дурка по нему плачет.

И ничего больше вам про Малыша не расскажут.

Не фигура Малыш. Несолидный он человек. Не будь за ним Сидора...! Да вмиг бы его и умыли, и тельник вместе с кожей содрали, и на патлах непристойных в назидание подрастающему поколению за ноги подвесили.

Но нельзя, мужики... Сидор!

А нарывался Малыш уже который месяц.

На празднество последнего звонка выпускник девятого класса Малыш Сидоров накушался по-свински и публично обложил поносными словами директрису школы, классного руководителя и всех членов родительского комитета персонально.

На экзамены он не явился и с тех пор ни разу не стригся, бродил неприкаянно по району со свитой всяких недоделков с выразительными глазами.

Зачем? Ну, видно были у него на то свои, глубоко личные соображения.

Хамил, дебоширил. Портил приличным людям пищеварение своей пошлой беспределцей.

Однажды его все-таки решили убить. А потом махнули рукой...

Ну, его... Все-таки, Сидор!

И с той минуты Малыша не трогали, не задевали, и не замечали. Как будто и не стало его совсем. Ни для кого.

А Карэ?

Она испекла на твой день рождения пирог. И это был первый, специально испеченный для тебя. Она колдовала на вашей с Сидором кухне, подвязав золотистые волосы косынкой, пробовала с маленькой ложечки и задумчиво глядела в потолок.

– Чего-то здесь не хватает, Малыш?

И ты послушно тряс головой, да, да, не хватает, хотя тебе всего хватало сейчас и ты как заведенный таскал ей то сахар, то еще муки, то масло из холодильника, то вон ту миску со стола, пробовал, кивал, как натуральный дебил, и люто ненавидел Сидора, который периодически заглядывал на кухню.

Потому что это была твоя Карэ, и гораздо больше твоя, чем Сидора, хотя никто, кроме самого Малыша, даже подумать об этом не мог...

Когда Сидор впервые привел ее домой, Малыш пошел погулять, полночи терзался зло и непонятно, расписывая стену в подземном переходе: Карэ...Карэ...Карэ...

Она вошла и сказала: «Красивый мальчик. Это твой брат?» «Красивого мальчика» он ей простил. Как простил все и сразу -недосыгаемую красоту, собственное убийственное смущение, всепонимающую ухмылку Сидора и все, чего не будет с ними никогда.

И вдруг: «Мы ни к чему не должны привязываться, Малыш. Карэ больше не придет...»

Ах, Сидор, Сидор... Лицо в полумраке, ледяная глотка, да что же сделать тебе такого, чтоб хоть на мгновение в твоих серых глазах увидеть боль и беспомощность, страх или хотя бы крик...

– Что, Малыш, – короткая улыбка на одну сторону, глубокая затяжка тонкой сигаретой, – тебе очень хочется меня убить?

И ты понял, Малыш, что снова оказался нигде.

Потому что Сидор молчит. И ничего на этом свете нет страшнее его молчания. Когда падают вокруг мягкие безразличные шторы, ограждая тебя, заботясь о тебе, и не остается ничего, кроме Сидоровского молчания. Что, Малыш? Ты становишься совсем тихим и готовым на все? Ты же с лютой ревностью ловишь каждый его взгляд, похвалу, ты был бы самым лучшим псом.

Но Сидор не брал тебя ни в псы, ни в друзья, ни, тем более, во враги. Он просто кроил его под себя.

Молча, уверенно и умело. – " Карэ больше не придет...»

Вот и все.

Хочешь – кулаком о стену, хочешь – башкой с разбегу.

Вокзал выплеснулся на Малыша сразу весь – большой, бестолковый, внутригудящий и отрешенный. Спать кое-где, есть кое-как.

«Вы не слышали объявления?»

«Иван Иванович Петров, вас ожидают у пригородных касс!»

«Поезд Симферополь – Баку опаздывает на 3 часа».

«Я напишу тебе фазу».

«Я буду ждать тебя всегда».

Малыш плелся по перрону, какие-то бестелесные призраки всплывали в его сознании, и когда он касался их ладонями, они вдруг обжигали до костей грубой, шершавой шкурой...

«Сидор.. Я не могу больше бежать!»

Молчание. У тебя горит в груди... Еще один круг... Еще... Шаг... Все... Темно...

«Они меня дразнили, Сидор! Как я могу их наказать, они в шестом, их трое, а я в четвертом и один! Ну почему тебе меня не жалко?»

Не жалко. И ты сам дерешься с этими шестиклассниками, день за днем, а потом один из них попадает в больницу с сотрясением мозга. И Сидор дарит тебе крутые часы, каких не было ни у кого из твоих знакомых.

«Сидор, я никогда не буду водить машину.

Почему именно наша мама должна была умереть? Почему мы с тобой должны были остаться одни?»

«Малыш, опять тетя Аня кормила тебя обедом? Ты делаешь мне больно. Мы все должны делать сами. Завтра ты сам приготовишь себе суп. Я не знаю – КАК. Как хочешь, ты хорошо меня понял, Малыш?»

«Когда-нибудь и тебе придет время умирать. И ты должен сделать это так, чтоб ни с чем на этом свете тебе было не жалко расставаться. Мы не имеем права любить, потому что мы не должны бояться что-либо здесь потерять...»

Подвижное вокзальное месиво даже на первый взгляд не казалось однородным. А уж на ищущий, Малышовский, и подавно.

Тетечки – дядечки, узелки – сверточка. Растеряно – на часы, печально – на расписание. Корзинку на колени, чемодан под голову.

А там, в уголочке, что за бедолажки приютились на ступеньках?

Лица немывы, взгляды пльвучи, платочки пониже, бороды погуше... Чьи? Чужие!

Однако Малыш искал других.

Сытых и чищенных. Сильных. Словом – хозяев, тех, кто никуда не уезжал и никого не встречал. Им было где ночевать и что поесть. Но они неизменно приходили сюда, рассеивались по двое, по трое, вышагивали по перрону, ковырялись спичками в крупных зубах, пили пиво, им было скучно, и они тоже искали.

Подходящую девчонку.

Старого обидчика.

Нужного человека.

И еще – они играли.

В древнюю, рожденную вместе с этим миром игру – «Охота на чужака».

Вот такого. Небрежного. Ссутулившегося. С наглым прищуром и чуть приподнятой в улыбочке верхней губе. Типчика с прыгающей походкой, потому что чужая земля жжет ему пятки.

И Малыш знал – его заметят. Его уже ждут. Он здесь нужен. И было хорошо. Ему, идущему по ночному перрону и вдыхающему ветер.

Вот она, Малыш, жизнь. Бьется вокруг, горячая, вкусная, ничем тебя не обделившая.

Отчего же так хочется умереть в 15 лет? Сидор? Карэ? Нужная ночь да мутное стекло? Нет... Это не причина. А, может быть, просто пришла пора прощаться? Просто выпали молочные зубки, а клыки еще не окрепли? Ты еще не знаешь вкуса смерти, Малыш, и оттого ее запах кажется тебе сладким. То ли вздох, то ли стон еще не успел войти в сознание Малыша, как он уже метнулся в сторону.

В стороне был наспех сколоченный забор, навесной замок на калиточке, из под которой вытекала обильная жирная лужа, мрачно дохнувшая неряшливой кухней и близким санузелом.

Мимо простучал башмаками наряд милиции, Малыш вжался в доски и спиной чувствовал как ворочается и гудит агрессивная среда. Много агрессивной среды. Вялой, смрадной, старорежимной. С колуном за поясом. С нечесаной бородой и волосатыми влажными лапами.

Малыш с облегчением проводил взглядом патруль. Он ни с кем не хотел делиться. Это была его ночь.

Раз... -подтянуться.

Два... – тесно прижаться к ребру забора и слиться с ним воедино. Три – гибко сползти вниз, мягко спружинив на встрече с землей и скользнуть в тень.

За забором было темно, на пяточке, освещенном умирающей лампочкой, валялись бутылочные ящики, а за ними мелькнул огонек сигареты.

Нет. Три огонька. И четыре силуэта.

Три больших, а один – маленький.

Когда-то давно Малыша тоже держали за плечи, его затылок был как раз по грудь тому, державшему...

«Скажи Сидору, что он – грязь. А это я оставляю ему на память».

И чиркнули пару раз лезвием по лбу. Так, чтоб там получилась буква «М» – Мартын.

Потом ты плакал на чердаке, а когда Сидор нашел тебя, прижимал к себе, слезы твои пополам с кровью пачкали Сидору рубашку.

«Сидор... Там больше нет этой буквы?». Он сжал в кулаке твою челку и запрокинул тебе голову. На лбу красовалось шесть беспорядочных порезов. В правой руке Малыш сжимал осколок стекла...

С тех пор Малыша кидало в жар, когда было темно, когда из четырех силуэтов трое были большие, а один – недоделок, когда вокруг хлюпала агрессивная среда и подмигивала сигаретными огоньками.

Хитро и зазывающе. Ну, Малыш, поиграй со мной! Ты же так этого хотел!

Первый удар ногой выбил из чьей-то податливой груди жалобный, всхлипывающий звук. Потом все получилось до стыдного быстро и привычно. Двое лежали на земле, над забором взметнулся чей-то зад...

Малыш выпустил из легких загустевший воздух, упруго толкнулось сердце. Все?

Тепло растекалось по спине. Чье-то лицо близко-близко, так что невозможно разглядеть черты. В каком-то судорожном порыве прижатая к стене, перед ним стояла девчонка.

Тебе сейчас ни за что не вспомнить, Малыш, какая мысль первой посетила тогда твой очень спокойный мозг. Скорее всего, никакой мысли не было. Ты просто легонько коснулся ее лица. Словно засомневался – жива?

Девчонка не вздрогнула. Распахнула ресницы, дотронулась до разбитой губы, увидела кровь и брезгливо встряхнула кистью.

– Больно? – Вообще-то Малышу было глубоко наплевать, больно или не больно, ему просто хотелось услышать, как она разговаривает.

Девчонка исподлобья взглянула на Малыша и вытерла руку о джинсы. И сказала. Не зло, а так... с интересом – Хочешь попробовать? – Потом прижала ранку воротничком черной блузы и добавила:

А вообще-то ты меня спас. Спасибо.

Пожалуйста, – ответил Малыш и затосковал.

Ветер пронизывал насквозь.

Пахнувший пирожками, полузадушенный вокзальный ветер вдруг до костей прошел тебя чужим, не осязаемым до сих пор холодом. Странная густая боль растекалась по вздувшимся венам.

Ветер... Что-то с тобой происходит, сейчас, Малыш!

Все случилось быстро и не так.

Только оказавшись на заборе, Малыш подумал, что девчонка тоже, наверно, хочет вырваться отсюда. Он опустил вниз руку, поймал холодные тоненькие пальцы, без усилия втянул ее вверх и спрыгнул.

Девчонка, крепко вцепившись пальцами в ребро забора, неловко жалась где-то наверху. Бойтся, что ли? Малыш напрягся и подавил в себе желание развернуться на 180 градусов и бежать отсюда куда подальше, пока... А что, собственно, пока?

И ты сдунул со лба прилипшую прядку.

Прыгай.

Высоко. – Голосок холодненький, как мышинный носик.

Какой-то взъерошенный колючий бесенок вскочил тебе на плечо и ты ухмыльнулся знакомой сидоровской улыбкой, четко выговаривая по слогам:

– Я не собираюсь торчать под забором до утра. Или прыгай или оставайся здесь, к чертовой матери.

Малышу захотелось, чтобы она скорчила плаксивую мордочку и заныла. Но девчонка мгновенно отпустила руки и тяжело грохнулась на асфальт. Глупо грохнулась, нелепо грохнулась, ударилась локтями и затылком, встала на ноги, посмотрела на Малыша снизу вверх, словно удерживая какие-то слова, оттолкнула его и бросилась в темноту.

А Малыш, не раздумывая, следом. Зачем? Испугался, что пропадет? Что снова нарвется и некому будет помочь? Ее глаза? Ты же успел рассмотреть ее глаза, Малыш. Зеленые. Но не такие зеленые, как глаза бывают, а словно капельки акварельной краски. Прозрачной, переливающейся и невозможно сияюще зеленой...

Нет, скорее сработал инстинкт.

Бегут? Догоняй. Скрываются? Ищи! Зачем? Разберемся!

К тому же тебе просто не хотелось ее сейчас потерять.

Ты изловил ее там, где было много пустых вагонов, схватил в охапку, она отбивалась, как бешеный слон. И заехала тебе туфлей под коленку, лбом в подбородок и кулаком по шее. И тебе пришлось дважды стукнуть ее спиной о вагончик, прежде чем она вдруг не сникла и не замолчала разом.

Фонарь светил ей прямо в лицо. А лицо ее было бледно и чуть запрокинуто вверх... К тебе, Малыш, И ты с дрожащей суетливостью запоминал ее черты.

Черные волосы – спутанные и, кажется, в крови. Маленькие губы, чуть искаженные болью. Зеленые глаза, близко и нигде.

– Пусти, мне больно.

Какая-то отрешенность оседала на ее бледненьком личике. Малыш вздрогнул, очнувшись, и сообразил, что до сих пор сжимает в ладонях ее плечи. Он рывком убрал руки и сказал:

– Ладно, я дурак.

Девчонка застегнула верхнюю пуговицу на рубашке и продолжала глядеть прямо на Малыша.

Пришло ощущение... Наверно, такое бывает рано утром, когда открываешь окно и где-то далеко-далеко слышишь гудок уходящего поезда.

Тебе придется уходить по путям. Тебя закопают, правда.

Нарастала дрожь. Малыш прокашлялся.

Я кофе хочу. И никуда не собираюсь уходить.

Ты псих?, – спросила она строго и серьезно.

Нет, – откликнулся Малыш, и неожиданно для себя выдал,

– Просто я служил в десанте и не люблю, когда кричат за заборами.

Я не кричала – легонько склонила голову к плечу, волосы ссыпались с каким-то ощутимым шелестом – Я его ножницами поцарапала.

Какими ножницами? – Малышу вдруг стало весело.

– Маникюрными. Вот – и она, застенчиво улыбаясь, протянула к нему крохотную кукольную ладошку, где лежали серебристые маникюрные ножницы.

Глаза в глаза.

Неприкасаемо и безотрывно, горячо и сухо, как будто светящийся туннель соединил вдруг тебя с ней и с каким-то новым миром, в который тебе предстояло войти, открыв лишь ©дну маленькую дверь.

И ты всегда знал, как это будет. Как захочется бежать д^ тех пор, пока силы не покинут тебя. А потом упасть, закрыть глаза и остаться.

– Холодно, – сказал Малыш. – А тебя я не держу. Совсем.

Ты хотел хлопнуть ее по плечу, но на полпути остановился, неловко как-то усмехнулся и сунул руку в карман. Осторожно. Как обожженную.

Развернулся и пошел. Медленно, уверенно и так... независимо. Она подбежала и схватила Малыша за рукав:

Ты будешь их всех бить?

Нет, целовать, – бросил Малыш, не останавливаясь. – Сколько тебе лет, без брехни?

Восемнадцать, – вздохнула она. И пошла рядом.

Но властвовал над миром ветер. И приносил он людям боль. Странную и зовущую. И поднимали люди лица, заспанные и ленивые, и ловили сухими губами ветер, и слышали они голос, называющий их по именам. И узнавали люди этот голос, и горький ком застревал в горле,

и видели люди ржавые холмы и цепочку скалистых гор на горизонте, и холодную долину, где были они когда-то.

Но опустили люди головы и шептали они ветру: «Подожди, брат, не время. Может, завтра, а может, через год.»

И улетал ветер и ронял прохладные слезы, и закрывали люди глаза.

Но иногда видел ветер двоих, которые были уже близко. Которым остался только шаг. И пел тогда ветер радостную песню, и ласкал ветер их лица, и звал их, звал их, звал...

В кафе «Ожидание» сонно ели холодную курицу, пили мутный вокзальный кофе, жевали тягучие пирожки.

За стойкой вырисовывался тоже очень сонный, припухший... ну таких называют «лоб», прибавляя при этом «здоровенный» и ковырялся спичкой в зубах. Наверно, для аппетита окружающих. В углу возле батареи располагались несколько молодых парней, которые при виде Малыша замерли, буквально вытаращив глаза.

– Давай, давай, смелее, – Малыш подтолкнул слегка девчонку вперед и они сели за самый ярко освещенный столик.

– Кофе? – вопрос с улыбкой, небрежно разминал руки, стаканчик с салфетками в сторону, чтоб не бросал тень на ее лицо.

– Что-то мне ничего не хочется.

Выглядит она ужасно. Волосы спутаны, темные круги под глазами, губа разбита. Шейка тоненькая, даже смешно.

– Значит кофе, мороженое и чего-нибудь поесть. Любишь сладкое?

– Обожаю.

Красавица. Умница. Улыбнулась так с подковыркой. Глаза прищурены. «Обожаю». Ишь ты. Малыш тоже улыбнулся и отправился к стойке.

Компания провожала его ошалевшими глазами.

Мужики в углу были злые, явно недавно битые, а один пухленький, с розовыми щечками, с детским венчиком кудряшек над высоким потным лбом. В опасной близости от его глаза красовалось неумело заклеенное ватой и пластырем ранение.

Малыш принес кофе, мороженое, чего-нибудь поесть, и перекинув ногу за ногу сел так, чтоб его было очень хорошо видно. – Они?

Девчонка затравленно кивнула и пододвинула к себе кофе. Не пила. Грела пальцы, крепко обхватив двумя ладошками стаканчик.

Как тебя зовут?

Карина, – ответила она.

И ты обжегся глотком воздуха. И все стало ясно. И потом, через многие годы, отделившие тебя от этого вечера, ты будешь помнить, как вдруг все стало ясно.

Только раз в жизни бывает так ясно и так легко, как стало тебе тогда, когда она ответила «Карина».

И отныне был тебе 21 год. И ты отслужил в спецназе и сейчас тренируешь группу волчат лет по 15. А в старшей группе, даже смешно, одни менты. И у него есть брат. Младший брат. Малыш жучит его по-черному. Щенок скулит и пищит. Но все на пользу. Все -на счастье... Все – навсегда...

Я буду звать тебя Карэ – Малыш понял, что устал, но легкая ясная сила заставила его поднять подбородок. – Расскажи мне. Я хочу знать.

– Я ехала домой. Училась в большом городе целых два месяца. Больше не смогла. Домой хотелось жутко. Собрала вещи и села в поезд. Домой. Со мной в купе ехали три теткы. Они угощали меня пирожками и не выпускали на остановках, чтоб не потерялась. А ночью теткы уснули, поезд остановился, и я вышла попить воды. Потому что в вагоне было душно, потому что не хотелось спать, было тоскливо и хотелось делать то, что не следует. Рок.

Возле ларька ко мне подошли двое. Один пухленький, розовый, улыбался много, а второй мрачный дядя в кепочке.

– Куда такая хорошенькая девочка собралась?

Я отвечала, что еду домой, что сбежала с института, что мне влетит, но это неважно, потому что домой.

Ах, -улыбнулся пухленький, – выходит дома нас никто не ждет?

– Ага, – сказала я, – это будет сюрприз.

Потом розовый сказал, что его зовут Пух, что он тут самый главный, его все боятся, но я могу не бояться, потому что он не обижает маленьких девочек, тем более таких хороших. Я сказала спасибо, и что мне пора. Тогда он взял меня за руку и велел не спешить. Я по думала – шутка. Я подумала, что сейчас все засмеются и я побегу к поезду.

А потом стало страшно, и поезд тронулся. Мой поезд. Малыш заметил, что впервые за многие годы грызет ногти.

Дальше.

Дальше... Дальше я заплакала, я не поверила, что может быть так просто – рука на запястье и мой поезд уходит.

Они принялись меня утешать, сказали, что ничего плохого не случится, обо мне позаботятся, мы посидим в кафе, познакомимся поближе, а потом я поеду домой.

И ты с ними пошла в кафе?

Нет..., я сказала, что у меня брат из армии пришел и я очень хочу домой. А он заявил, что я ему... вешалась, что со мной по человечески, а я его за кого держу? А сам заводится. От собственных слов заводится. Потом меня потащили за руку в кафе. Этот, – она кивнула в сторону «лба» – стаканчики протирал. Там за мойкой комната. Веники, швабры валяются и диван стоит. С грязной подушкой. Знаешь, с тех пор, как мой поезд тронулся, я совсем ни о чем не думала. Как не стало меня. Пух меня на диван усадил, обнял, говорил что-то, дышал, потом начал блузку расстегивать. -А ты?

– Я его ножничками ударила... Он как заорет, за морду схватился, я его шваброй по голове стукнула и бежать. Догнали...

Побили немножко. Пух сказал, что обязательно меня убьет и всякое такое, а тут появился ты. Мне всегда везло!

Малыш улыбался. Ему отчего-то стало хорошо и весело.

Ты крутая. Я, ей богу, их спас. Ножничками! В щечку!

Больно, однако!

Ага, – девчонка как-то играючи смутилась, – и шваброй.

По башке!

И они вместе расхохотались. Облегченно и по настоящему. Потом посмотрели друг другу в лицо и нахмурились оба. Карэ медленно отвела глаза.

Нас убьют, да?

Нет. – Малыш покачал головой. – Главных героев не убивают в начале фильма.

На ярко освещенном пятачке как на самой честной сцене маленькая девочка и маленький мальчик разглядывали друг друга. Они пытались понять, как случилось, что теперь им идти вместе. Хотя никто не приказывал и никто ничего не просил. И как это случилось, что впереди у них целая ночь. И хочется, чтоб она не кончалась. И никто их не убьет. В начале фильма.

Кто-то прошел за спиной. И померк свет.

Малыш успел заметить, как изменилось лицо Карэ, как взлетели ее ресницы, почернели глаза и разомкнулись губы в крике, который Малыш не успел услышать. Немеющая боль грохнула где-то вне его тела, вазочка с мороженым, сбитая его рукой, улетела и со звоном покати-лась по полу, оставляя белые следы... Пришла тишина. Потом Малыш карабкался по белой стене, мучительно и тяжело.

Он чувствовал, что скоро вылезет наверх, но тут белая стена перевернулась, из нее был ослепительный свет и Малыш понял, что лежит на полу, свет – это плафон на потолке, что рядом валяется вазочка от мороженого... Еще мгновение качалась стена и протяжный звон резал уши. Малыш сел, выдохнул слишком много воздуха и сжал голову ладонями.

– Сзади и по голове. – Зачем-то сказал Малыш.

И сразу же появился Сидор. Впервые за этот вечер он появился в сознании Малыша. Сел, облокотившись о спинку стула, чуть склонив голову... Сидор, который всегда заботится о тебе.

Иди домой, Малыш, – сказал Сидор. – Тебе пора домой.

Я останусь еще немного, – прошептал в ответ Малыш.

Сидор исчез. Карэ не было. Компания в углу исчезла. За пустой стойкой была дверь. И все, что сейчас было, оказалось всерьез.

Что могло остановить тебя, Малыш? В твою главную ночь!

Дверь за стойкой поддалась, слетел крючок, у столика топтался «лоб» в грязном переднике. Увидев Малыша, он активно прибавил краски в лице, набрал в могучие легкие воздуха, но выпустить его не успел. Орать «лоб» не стал. Он вежливо объяснил, что Пух с девочкой пошел в вагончик, второй с конца на запасных путях. И какие ж были у него глаза!. Сопливые и оскаленные. Страшно ему было, страшно.

Да и тебе, Малыш, было страшно.

Но ты все равно не захочешь об этом слушать. Да и не скажет тебе никто ничего сейчас.

И Малыш улыбнулся. «Что, Сидор, что, брат? Вот и проверим? Сколько их там будет – семь, десять? Они ждут меня, Сидор. Я так им нужен! Никто не умеет ждать нас так горячо и нетерпеливо, как наши враги, никому мы не нужны так жизненно и сладко, как тем, кто хочет нам смерти...»

Малыш не спеша миновал светящиеся окна пустых киосков, оглянулся на ходу, словно хотел окликнуть кого-то. Но никто не прикрывал ему спину. А когда Малыш увидел свет в окошке вагончика, он потянулся за сигаретой и остановился.

Ты хотел поиграть, Малыш.

С огромным зверем, который прятался за высоким забором.

Ты пощекотал его за ухо, ты дернул его за усы, ты попрыгал вокруг, корча ему физиономии, радуясь, что все, оказывается, так просто. Ты даже вскочил ему на загривок и начал трепать его полосатую, пахнущую кровью шкуру.

Но вот в бездонной его груди зародилось рычание, вздрогнули веки, и ты ясно, четко, жутко, близко увидел его живые желтые беспощадные глаза.

Полосатый проснулся. И он смотрел на тебя желтыми глазами одинокого вагончика.

Ну-ка, поиграй со мной теперь, Малыш.

Пора, – подумал ты. А еще подумал, что если вдруг, ненароком, случайно, он выйдет из этого вагончика живым, как же он треснет по Сидору своим рассказом.

Как же устало он придет домой, развалится на диване и скажет!

«Знаешь, Сидор. А я сегодня САМ. Сам, Сидор, сам!» И ты дернул на себя дверь.

И казалось тебе, Малыш, что эта дверь последняя. Последняя главная. Войти, а дальше все будет так, как ты хотел. И слава богу, что тогда ты даже не подозревал, что эта дверь – далеко не главная, далеко не страшная, и далеко не последняя.

В вагончике было много людей. Малыш успел заметить багреную пуховскую щечку, морщинистую личность со следами богатого жизненного опыта на узком лице и маленького цыгана.

И ничего больше не увидел, потому что дрожащий от нетерпения пуховский кулак обрушился на Малыша со всей силой желания, на которое способно человеческое тело.

Малыш даже не сопротивлялся, он только прикрывался и пытался не упустить момент, когда нечто скользкое и отточенное мелькнет где-нибудь рядом.

– Постой, Пух, – проворковал тот, немощный, – сейчас ты его совсем убьешь и мы не узнаем секрет его наглости. Отойди, Пух, отойди от него подальше.

Пух явно хотел сказать какое-то нехорошее слово, но сдержался, ушел в дальний угол и было слышно, как он чиркает спичками и что-то бормочет.

Малыш обеими руками откинул со лба челку, чтоб всем было видно, какие у него голубые ласковые глаза и спокойные крепкие губы.

Привет, – сказал Малыш, – ваш розовый младенец покалечил на мне ручки.

Бать, – подал голос Пух, – можно я его убью?

– Позже, – голос у бати стал неожиданно бархатистый и вполне располагающий. – Мальчик, ты чей?

И ты понял, Малыш, что на этот вопрос сейчас существует только один ответ:

– Сидоровский.

Возникла пустота. Она медленно сконцентрировалась над головой Малыша в почти осязаемую сферу и вдруг лопнула.

Все зашевелилось, а Пух начал бледнеть и выпустил из рук стакан. Батя слегка поднял брови и улыбнулся. Даже ямочки такие веселые на тощих щеках проступили.

– Сидоровский... кто?

– Брат, – улыбнулся в ответ Малыш, – младшенький.

Последнее слово он произнес по слогам. Вот так: млад-шень-кий.

Батя откинулся на стуле и скрестил руки на груди, скосив глаза на Пуха.

Ну что ж ты, Пух? Вот вечно ты такой. Спешешь, торопишься, не разберешься никогда, а, Пух?

Батя! – вдруг заорал Пух. – Он...

Сядь, – приказал Батя, – сядь, Пух. У нас гость, дорогой гость.

Присаживайся, брат Сидоровский, говори, что тебе надо.

– Карэ, – ответил Малыш. И почему-то добавил – И Пуха.

Тощий пожевал губами в глубокой задумчивости и махнул рукой.

– Девчонку что? Забирай, мы ничего плохого, кстати, с ней не сделали. А Пуха, – посмотрел на Малыша введливо и внимательно, – А мне -то, собственно что? Я, что ли, все это затеял?

– Не понял, – вздыбился Пух и хотел что-то добавить от души и сразу, но отлетев к стенке, успел только больно вытаращить глаза, а сквозь прижатые ко рту пальцы стекала темная густая струйка.

Кто-то подтолкнул к нему Карэ, кто-то захлопнул за ним дверь, кто-то положил руку ему на грудь, но сердце его не забило сильнее. Но Малыш поднял глаза и увидел перед собой Карэ.

Схватил ее за руку и пошел быстро, так быстро, что она спотыкалась, не успевала за ним.

– Ну что, Малыш, опять не так?

Опять горький песок скрипит на зубах и сушит горло до черна, до черна, до черна...

– Малыш! Я ногу сломаю... Не беги...

О! Да ты совсем забыл о ней.

Вы остановились друг перед другом. Бледные и смертельно уставшие.

Она сказала:

– Спасибо тебе, Малыш, я пойду...

А ты не ответил ей «иди», хотя все закончилось и она больше была не нужна. Ты не ответил ей «ну и пожалуйста», потому что испугался того, что будет, если и она сейчас уйдет.

Ты просто продолжал крепко держать ее запястье.

– Пусти, я ухожу... Малыш, отпусти меня!

Это крик. А это не глаза. Это хлесткий мазок акварельной краски, как пощечина.

Я не могу тебя отпустить, Карэ...

Как Пух, да? Как Пух? Ты такой же, такой же!!!

Много акварели, полнокровной зеленой краски, волна за волной, взхлеб и навсегда.

– Почему они тебя не убили?! Почему они отпустили нас?!

Кто ты?

И вдруг снова белый холст. Чистый, белый и нетронутый.

– Малыш, я просто хочу домой.

– Я сам отвезу тебя домой. – Что-то дрогнуло внутри, какой-то тяжелый механизм медленно и с гулом прогревался, вот-вот готовый ожить. – И знаешь, мне не 21 год. Я не служил в спецназе. Мне 15 лет, а мой брат крупный авторитет. Я – никто, только ты не бойся меня.

А она смотрела на тебя, и губы ее были сжаты взросло и серьезно. И ничего не спрашивала. Как самый правильный друг, какого не было у Малыша еще никогда в жизни.

– Я тебе верю.

– Можно, ты сейчас пойдешь ко мне домой, мыждемся

Сидора, а утром я уеду с тобой, можно?

– Можно, – ответила она. – Можно.

И мир поразил своей завершенностью. Как будто во всем хаосе, окружавшем тебя, вдруг появилось крохотное недостающее звено и все стало на свои места. Запутанные кусочки мозаики, которые ты годами прилаживал и так и эдак, а они не сходились и сводили тебя с ума, вдруг легко и послушно превратились в стойкую картинку, где каждый мазок кисти, каждый силуэт необходим, понятен, ясен и ослепителен.

Бежим! – закричал Малыш – Бежим! Я просто умру, если мы опоздаем на дежурный троллейбус.

Не ле-ти так быст-ро- о-о-о...

Да, Малыш, это был миг. И он был прекрасен.

Утром вы вместе сядете в поезд и уедете далеко-далеко... Вы будете вместе. Как? Господи, ну кто ж думает об этом, когда длится такая ночь. В которой столько всего было в первый раз.

И вы молча вошли в дверь твоей квартиры, она цеплялась за твое плечо, сбрасывая туфли в темноте, потому что ты не стал включать свет.

А в комнате ты просто растворил окно, чтоб стало светлее и в комнату вошла ночь.

Ты притащил ей ворох своих «бывших» шмоток, но все они оказались ей велики, и она сидела рядом с тобой в сидоровских джинсах и твоим черном свитере, достающем ей до колен.

И вы говорили, вы бесконечно долго говорили. Мерзли на диване, но не закрывали окна, грели друг другу дыханием руки и говорили, говорили, говорили.

Взахлеб, взапой, так что слова рвались из глотки, будто их годами, вбивали туда сапогами, придавливали чугунными крышками и вдруг в маленькую щель вырвалось одно только слово... И полетели в сторону и крышки, и замки, а боль стала чем-то чужим, о чем можно говорить, не боясь разодрать незажившие раны. И можно было сказать, что на вас глядели из окна холодные звезды, что свет уличных фонарей призрачно раздвигал бестелесные шторы мрака, и что капала на кухне вода из незакрученного крана, отсчитывая течение вашего времени.

Но вечность ждала вас утренним поездом в стране багряных осенних холмов, где мечется заждавшийся ветер, чтоб взвиться на вершину самого неприступного пика и взметнуть к небу колокола: Радуйтесь, люди... Новое солнце всходит над вашими головами. Но в комнате зажгли электрический свет. На пороге стоял Сидор.

Мгновение он смотрел на Малыша, потом протянул руку Карэ. С улыбкой.

– Здравствуйте. Как ваше имя?

– Ее зовут Карэ. – Что-то отчаянно металось внутри. Малыш занервничал. Сильно.

– Прекрасное имя. – Сидор не знал как себя вести. Малыш почувствовал это и вдруг ему стало легко.

Он заметил, как сжалась Карэ в маленький беззащитный комочек. Малыш крепко сжал ее пальцы. Карэ, Карэ... Ты и не знаешь сейчас, что это и есть самый главный бой на сегодня.

Малыш тихим, абсолютно не вызывающим голосом произнес:

– Сидор, мне нужно с тобой поговорить.

Сидор кивнул коротко, внимательно скользнув глазами по лицу Малыша. – Пошли, поговорим.

Они вышли на балкон. «Какой сегодня холодный ветер всю ночь» – подумал Малыш и сказал, опираясь ладонью о перила:

Сидор, завтра я уезжаю С ней.

– Куда?

Не знаю.

Надолго?

Навсегда.

И ты почувствовал, Малыш, что можешь с ним разговаривать. Не орать, не психовать, не терзаться, а просто разговаривать. Спокойно и уверенно. И Сидор почувствовал. И Сидор забеспокоился.

Малыш, эта девочка – вокзальная шлюшка. Все, что она плела тебе – ложь.

Я тебе не верю. А если и так, я согласен.

Сидор молчал. Но в его молчании не чувствовалось той убивающей пустоты. В его молчании билось сердце. Пускай на полритма сильней, чем обычно, всего на полритма, но он не знал, что ему делать.

– Я не могу тебя отпустить. У меня никого нет, кроме тебя.

– Что ж, – Малыш почувствовал, как нечто спокойное и сильное говорило сейчас за него. – Ни к чему нельзя привязываться, Сидор, чтоб не было страшно терять.

Глаза в глаза.

Сидор смотрел на Малыша.

Малыш смотрел на Сидора.

Ну, Сидор, скажи... Скажи это слова и я отвечу тебе.

Я могу тебе ответить и знаю, как тебе будет больно.

– Иди, Малыш, я хочу подумать.

Молча, словно боясь расплескать приобретенное, Малыш закрыл за собой дверь.

Сгорбленный, стоял Сидор на балконе.

Еще долго будет ночь. Но у Сидора нет времени ждать ее естественного конца, ждать, когда она уйдет.

Когда Сидор вошел в комнату, где сидели Малыш и Карэ, лицо его было светло.

– Я тебя отпускаю, Малыш. Ты вырос. Ну что ты так на меня смотришь?

И ты замер, Малыш. Потому что это была она. Победа.

Ты вырос, Малыш.

Я заберу тебя к себе, Сидор. Я не смогу без тебя. Я просто попробую немного САМ.

Сидор налил что-то в высокий бокал – специальное для такой ночи. Сидор улыбался и говорил что-то приятное и нужное.

Что было тогда, Малыш? Был Сидор. Много Сидора. И волны, волны восторга. Упоительного и долгожданного. Были глаза Карэ. Кто-то заглянул к ним, но Малыш не вспомнил, где видел это лицо. И снова глаза Карэ, все больше, и в них зачем – то были слезы. Но Сидор, большой и любимый, хлопал Малыша по плечу и заботился о нем...

А потом появилась дверь.

Внезапно и фантастически.

Дверь была заперта, в подъезде опять выкрутили лампочку, Малыш слепо тыкался в эту дверь и не мог понять, зачем она здесь?

Кажется, у Сидора кончились сигареты, он буквально умирал без сигарет. И Малыш побежал за пачкой «Кэмэла».

Что-то холодное схватило Малыша за горло, и он застыл, ощупывая руками воздух.
ЧЕТЫРЕ ЧАСА УТРА. КАКИЕ МОГУТ БЫТЬ СИГАРЕТЫ?!

И ты сел прямо на пол, и ты обхватил голову руками и закричал.

Как ты закричал, Малыш!

И было ли это «Карэ, Карэ!» или просто «мама» как кричат даже самые сильные люди, когда осколки рухнувшего мира сыпятся им на голову, рассекая лицо, руки.

Кто слышал твои крики, Малыш?

Слепые дома?

Корявые деревья?

Холодная земля или далекие звезды, которые так много повидали на своем веку, что давным давно оглохли от чужих криков.

Потому что за дверью тоже кто-то кричал в надрыв, тоненько и страшно. Ты вспомнил, чье розовое лицо заглянуло к вам на кухню.

Ты встал и обрушился на эту дверь, Малыш. Ты пинал ее ногами, разбил в кровь и лоб, и кулаки. Ты плакал, ты скулил, размазывая по лицу и слезы, и кровь, и грязь.

Ты прижимался к этой двери лицом, кусал пальцы, умолял ее открыться, а кого-то невидимого простить тебя.

Ты звал Бога, но из соседней квартиры высунулась соседка и сказала, что надо бы вызвать милицию. Ты скатился вниз по лестнице и кинулся наперерез патрульной машине. Ты размахивал руками перед носом молоденького милиционера и пытался все рассказать.

Милиционер озадаченно похлопал ресницами и обратился к кому-то вглубь машины.

– Палыч, чего он тут городит? Может, сходить взглянуть?

Палыч показал свое лицо и красочно сплюнул: – Какая квартира? Псих пьяный. Это Сидора квартира, какие еще девочки!

Они понимающе посмеялись и захлопнули перед Малышом очередную дверь.

А Малыш остался лежать на обочине. Лицом вниз. Схватившись ободранными пальцами за дорожный бордюр. Как за последний якорь.

И серое утро незаметно сменило ночь. И приходил новый день, в котором не бывает грязных вокзалов, Пухов и Карэ. Приходил день, в котором не было больше ничего, кроме немых запертых дверей. В которые можно биться, ломать себе ногти и разбивать себе головы. Но не одна дверь не сжалится над тобой просто так. И есть на свете Сидор, перед которым открываются двери, который заботится о тебе.

И страшно в этом мире только одно – оказаться с ним по разные стороны двери. Остальное можно пережить.

Надо только покрепче сжать зубы. Надо только получше закрыть глаза.

И ты сплюнул скопившуюся горечь на асфальт. И ты сунул руки в карманы. И ты пнул ногой банку из-под пепси. И ты пошел в день, не видя в нем пути. Но кто-то окликнул тебя... Ниоткуда. Ты не оглянулся. Ветер. Это просто ветер. Ты вернулся домой в восемь утра.

Где ты был? – спокойно спросил Сидор.

Я подстригся, – ответил ему младший брат.

1996 год.

СОЛО ДЛЯ ЖЕЛТОГЛАЗОГО

*«Опасно слишком долго глядеть вслед уходящему Зверю.
Ты оставляешь ему время вернуться»*

*Цитата из Книги
«В этих горах невозможно воевать»
Одна из мыслей Солдата*

– ...
« – А это что?
– Ветер...»

«Алло!» – неестественный кашель в трубку – «Алло!»

– Алло. Это осень.

Это пустошь. В прицеле зрачка не сходящейся лестничной гаммы.

Это – руки отнять от лица и не плакать, так зло и упрямо, как предательской слабости тела отдать что-нибудь... на прощанье.

Крепкий кофе? Бессонницу? Строгий контроль над желаньем? Или надпись на потной стеной штукатурке: «Мы останемся вместе. Аминь»

Это – ночь! Несогласная, беглая буква.

В которой не было ничего, кроме недоумения, кроме убийства собственной нежности.

Руки – отнять от лица, эта черная каста неприкасаемо ищет предлога отправиться в путь, на случайную встречу, и к тебе побежать, задыхаясь от крика!

Сгинь! Мы останемся вместе! Усталые, смертные, злые.

В прицеле зрачка не сходящейся лестничной гаммы где бессонницы – нет!

Кофе – горечь во рту...

Ты не плачешь?

А зря!

Глава 1

И шорох, почти никому не заметного снега, и шепот шагов, и что-то еще... по следам находящее повод.

Ну вот и все.

Пол-сигареты остается до зимы.

Пустая смятая пачка – под лавку.

Хорошо, что сигарета – сыровата, и тлеет – медленно, будто знает, упадут последние хлопья пепла на мокрый асфальт и растают там первым снегом предстоящей зимы.

Черная музыка, осень удачи, восторг возвращения...

Что будет потом?

Погаснет огонек – сладенькая подачка малодушию, полоснет мелкий отвесный дождик и погонит со скамейки парочку, ловить такси.

Ветер протяжно и туго забьется в русле бетонных стен, может, пытаясь вырваться на волю, может желая разбиться на сотню маленьких сквозняков и расползтись по кухням и спальням, где прячутся от него по вечерам, смешные, доступные люди.

Им ведь тоже нужно немного... ветра.

На чуть – чуть. На сомнение. На дрожь... На последнее – " Где ты?!!!" На единственное – «Бежать!»

На то, чтобы встать с табуретки и подойти к окну.

И задерживая плотную, всепонимающую штору, увидеть кусочек неба. И отойти. И остаться в свидетелях. Замерзающих луж стекленеют глаза на ветру и немного слезятся от лишнего желтого света.

Девочка в потертой кожаной куртке, явно с чужого плеча, поджав колени к подбородку курила на лавочке в городском парке.

Пес бесноватого, рыжего цвета, поскуливая, вился у ее ног. Он был голоден, но искал хотя бы внимания с ее стороны.

Парень, по имени Лаврентий, уже где-то недалеко от этого места, стоял на балконе и до его зимы тоже оставалось полсигареты.

Хотя... уже меньше. Треть.

И странный долгий звук пронесся над их головами, заставив вздрогнуть и поднять лица к небу, лишь некоторых людей, в некотором царстве, в некотором государстве... Хочешь, я расскажу тебе сказку? Жили-были, жили-были... Так было задумано, так повторялось из жизни в жизнь.

Как тяжелое, сытое животное, небо на мгновение прислушалось, взревело для остратки, поворочалось и отвернулось от них.

Странный, долгий звук прогудел в высоту, набирая силу, и заставил-таки Солдата поднять голову. Самолеты летят... определил Солдат и закашлялся. Поднимать голову – такое гадкое занятие, боль перекатывается к затылку, и кашель до тошноты. Неба не было видно. Закопченный потолок и тот маячил мутно в слезящихся глазах и вызывал весьма конкретные ассоциации. А там, в темноте, высоко-высоко, летят в самолетах люди и до восторга жутко думать о том, что даже если это наши... люди, они летят себе летят, и даже не представляют о том, как внизу, под скользкой изморозью, покрытых голыми стволами, черт знает какими дорогами и оврагами гор, есть еще на свете он. Солдат. Он кашляет, докурить осталось на затяжку и больше не предвидится... может совсем никогда.

И об этом тоже, жутко до восторга. Сидеть и смотреть в закопченное днище потолка.

Самолеты летят... И до них так близко по-прямой, гораздо ближе чем до любого, даже самого никчemuшного человечка. Солдат докурил и улыбнулся.

Так пришла зима.

Глава 2

Не для города, не для всех.

А что такое зима, Улетова? Это не просто предательски скользнувшая ступенька, и так холодно ждать трамвая на остановке.

Это не только вяжущий привкус непротivления, когда легче поскучать дома, чем торчать в подъезде, или ехать к кому-то хоть и нужному, но на другой конец города.

Это не всегда время года. Иногда это – просто время.

Период севера. Бессмысленная, наглая разлука. Ленивая безрадостная ветка, сухой костяшкой, зацепившая стекло.

И ты прекрасно зная... НЕВОЗМОЖНО, зажмурясь глушишь спазм неумного, забившего сердца.

Молчи...

Там нету никого – восьмой этаж. Пол третьего утра.

Период севера. И не к кому навстречу.

Смешно? Все проще! Все гораздо ближе к организму.

Зима – это когда ты ел последний раз вчера утром, когда твои кроссовки развалились, когда догорает последняя сигарета, курить больше нечего, и не предвидится.

Но главное – идти сегодня некуда, и завтра, наверное, тоже.

А Балбес... он... потерпит, он крепкий пес, он хорошо умеет чувствовать, когда не предвидится. Ничего больше не предвидится... пока.

Потому что ты дрянь, Улетова. Так и катилось за тобой, железным шаром грохота катило по лестничному пролету: «Дрянь!»

Ха!

Как весело! Как легко! Как бесповоротно! Черная музыка, осень удачи... Бежать!

Ха!

На выдох и с оттяжкой Плетеным поводком с увесистым карабином. Наконец-то и ставя точку, крест-на-крест, по ставшей вдруг узнаваемо беззащитной физиономии своего собственного брата.

ХА!

И вниз! Вниз по лестнице, на ходу застегивая куртку. Вниз! Легко и бесповоротно. Гадко и безболезненно. Дрянь. Хорошо. Ты не возражаешь. Ты больше не будешь. Делать вид, будто ты другая послушная, виноватая, занимающая место и мозолящая глаза. Хотя и слишком ничья, чтобы иметь право.

А потом телефонная будка и так, как это было не раз:

– Алло, – неестественный кашель в трубку, – Алло! Я сегодня немного занят!

Да, да. Я понимаю. Я привыкла. Спокойной ночи. Именно сегодня мне совсем не так уж нужно к кому-нибудь прийти.

Ваша светлость сегодня весь вечер протомятся в ванной, пивко посасывая, затем завалятся голым на диван и станут читать книжку, пока не изволят уснуть.

Я знаю. Вы заняты. К Вам сегодня нельзя.

Сегодня на улицах такая грязь, а ему в такой великий лом запускать твою собаку на новые цветные коврики в прихожей.

Вот я все. Просто, как карабином по щекам. На выдох.

Крест накрест.

Наконец-то и ставя точку...

...В конце какой-то длинной и запутанной фразы, которую Солдат мысленно выписывал на потолке, красными готическими буквами, фитиль в керосинке снова запал.

Самым неприятным был именно этот фитиль. Лампу приходилось постоянно встряхивать, чтоб пятнышко света не тускнело и не сужалось вокруг Солдата.

Так он и сидел, встряхивая и встряхивая капризную керосинку. А крысы, деловитые резвые тени, шастали по домику, и как только Солдат начинал дремать, пятнышко света сужалось, крысы вытягивали морды и тоже потихонечку сужали рубеж вокруг Солдата и лежащего рядом Керима, мертвого вот уже полтора часа.

Солдат не хотел, чтоб крысы погрызли Керима за ночь и поэтому знал, что ни за что не позволит себе уснуть. Сидел и встряхивал керосинку.

На крыс Солдат не обижался. Они шарили по углам, занимались, собственно говоря, своими делами, просто периодически присматривали за Солдатом. Как он там? Сидит еще? Ну-ну, пусть сидит, времени у нас все равно навалом.

Из-за них надо было не спать, а умереть во сне Солдату... ну не хотелось.

В конце концов, крысы не бросали его в эту ночь, а какие у них на то были причины, не имело никакого значения...

Глава 3

...То что заставило и ее – уйти. Ты молодец, мамка, ты умница, красавица, ты – слабая девочка. Ты ушла со слабым красивым мальчиком, и выглядишь рядом с ним как моя ровесница.

Даже лучше! Честно. Ты ведь знаешь, я никогда не вру тем, кто меня не бьет и не может бить. Детям, собакам и тебе.

И не жалею, мамка, их оханья, покинутых и несчастных – ложь и привычка. Им просто стирать – некому, им просто пинать некого.

Брат из армии пришел, как подменили. Только пьет да байки рассказывает. Ах, как они там! Ух, как он там их! И девок жутких водит толстых и тупых.

Отец только ест и в телевизор смотрится.

Я.. я дрянь.

Балбес – зверь.

А ты умница. Ты хорошая. Ты – ушла. У тебя квартира чистая, шторы не пыльные, пахнет вкусно. У тебя мужик – хороший. В ботинках с улицы по коврам не ходит, пепел на пол не стряхивает, не орет, не пинает беспробудно. Он у тебя с работы домой спешит, целуется с тобой на кухне, чтоб я не видела, курить с ним на балконе и за жизнь говорить, всерьез и по взрослому – сплошное удовольствие. И кофе он сам варит... и на гитаре играть умеет... и спортом горнолыжным зашатается ... Будто и не мужик вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.